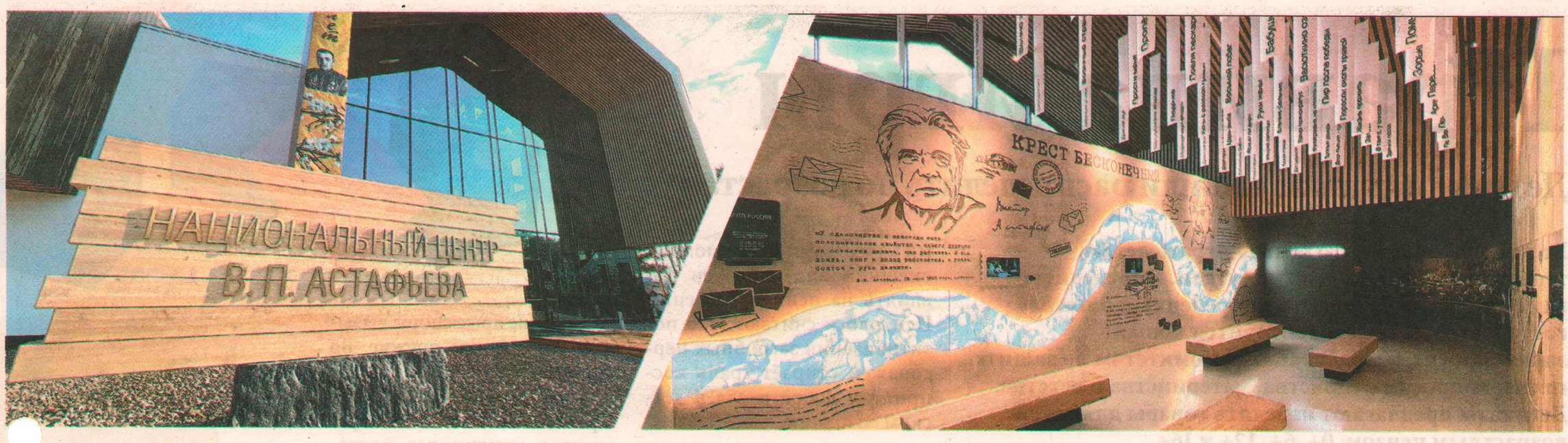
НКК. – 2024. – 24 мая (№ 38). – С. 25.



Факт 36

1 мая состоялось открытие Национального центра Астафьева

Открытия национального центра Астафьева – музея нового формата – ждали с особым нетерпением. Строительство трехэтажного здания находилось под контролем губернатора края. Получилось, что ко дню рождения писателя был сделан подарок и жителям региона, и всем поклонникам творчества нашего великого земляка.

Современный и атмосферный

Сделан с особой любовью и благодарностью Виктору Петровичу: продумана каждая деталь многочисленных экспозиций его произведений. Равнодушным, даже если читал Астафьева еще в школе и почти ничего не помнишь, остаться просто невозможно. Получилось особое музейное пространство, очень атмосферное, современное, со множеством мультимедийных экспозиций. Здесь будет интересно посетителям любого возраста.

Можно сказать, что с точки зрения хронологии сейчас в мемориальном комплексе поставлена точка: домик бабушки Екатерины Петровны – это детство писателя, его дом на Щетинкина – завершающий этап творческого пути и, наконец, Национальный центр – это о произведениях, которые продолжают жить и после его смерти.

Начало экскурсии – с «Последнего поклона»: можно познакомиться с инвентарем для игр той поры – бабками, лаптой, зоской.

Сразу вспоминаются слова Астафьева из интервью: «Игр было такое количество, что нам некогда было есть, некогда обедать. Бабушка говорила: «Жрать не приходят, люди добрые! Утром похватал чего-то маленько, и вот я уже корову подоила, солнце закатилось, а он еще пластается».

Для каждого произведения – своя экспозиция.

Пронзительная повесть о любви «Звездопад»: цитаты, которые записаны на огромных листах – бинтах. Раненый боец, который, судя по всему, недавно был прооперирован. За ним – кадры с атмосферой госпиталя, на полках подлинные вещи того времени из фондов краеведческого музея, конкретных военных врачей.

Свое место есть и у частей романа «Прокляты и убиты» – военные гимнастерки, котелок, валенки образца 1941 года.

Многое здесь было найдено за последние два-три года специально для экспозиции.

– Искала на различных сайтах, и вот нашла валенки того времени, достаточно дорогие, около двух с половиной тысяч рублей, – вспоминает **Татьяна Зыкова, научный руководитель Национального центра Астафьева.** – Я сразу писала, для каких целей мне нужно. И вот человек, который их продавал, ответил: «Не вздумайте никаких денег посылать и даже за почтовые расходы. Я читал Астафьева. И я его очень люблю. Буду горд тем, что помог созданию Национального центра в Овсянке». А вот этот мешок заплечный я шила так же, как моя прабабушка, отправляя на войну: холщовый мешок взяла, две маленьких картошки в уголочки завязала – чтобы не соскользнула веревочка. На нем был карманчик маленький.

Невольно задумаешься, что вот с такими заплечными мешками тысячи километров прошагали до Берлина наши солдаты, изменившие ход мировой истории…

Полностью воссоздали кабинет

В атриуме под стеклом многочисленные награды Виктора Петровича. А еще книги, изданные на разных языках. И это далеко не случайно: считается, что больше всего из сибирских писателей переводили именно Астафьева. В Германии было много изданий «Пастуха и пастушки», в Китае очень ценили «Царь-рыбу». Но перевод его произведений со множеством диалектизмов, идиом очень сложен. Это можно увидеть даже по названиям: «Затеси» на польском превратились в «Знаки на коре», а «Последний поклон» на английском – в «Кивок головы».

Особую ценность представляет экспозиция, где воссоздан личный кабинет Виктора Астафьева из его квартиры в Академгородке: письменный стол, стул, потертое кресло, где сидели приходившие к нему посетители, книжные полки, фотографии, кровать, над которой висит икона Богоматери. В этой обстановке писались произведения последних двадцати лет.

На письменном столе – специальная рамка-ограничитель: писать с одним зрячим глазом было сложно: Астафьев просто не видел края строки, и слово порой обрывалось на половине. Всего здесь около полутора тысяч предметов. Его куртка, кепка, удочка, которую подарили ему в Японии. С особой скрупулезностью подошли сотрудники к воссозданию кабинета.

– Все эти подарочки, даже самые маленькие, он никогда не выбрасывал, – поясняет Татьяна Васильевна. – И мы, когда делали композицию, буквально с лупой смотрели, где дырочка от гвоздика, чтобы повесить вот этот сувенир именно туда, где он висел ранее.

Здесь же есть уголок, посвященный Марии Семеновне – его верной подруге, секретарю, которая по нескольку раз перепечатывала рукописи и помогала в переписке с многочисленными корреспондентами, с издательствами, редакциями, его первому читателю и критику, а после смерти писателя – хранителю его литературного наследия…

На ней были еще и хозяйственные заботы, уход за детьми, а потом внуками. Как она сама решилась взяться за очень нелегкий – уж ей-то это было точно известно – писательский труд?

Воссоздан личный кабинет Виктора Астафьева из его квартиры в Академгородке: всего здесь около полутора тысяч предметов. Его письменный стол, потертое кресло, где сидели приходившие посетители, книжные полки, фотографии, кровать, над которой висит икона Богоматери. В этой обстановке писались произведения последних двадцати лет

– Я ведь знала: без меня литература не пропадет, – расскажет она потом в одном из интервью. – Просто постоянно пыталась возвыситься до его ко мне отношения.

Здесь стоит ее письменная машинка, лежит копия страницы рукописи «Пастух и пастушка», книги «Отец», «Спасибо тебе, память!».

Ощущение, что хозяева квартиры просто вышли на несколько минут, но вот-вот появятся.

Два этажа экспозиций и на третьем – интеллект-центр, где можно самостоятельно заняться исследованием творчества писателя: для этого собраны монографии, авторефераты диссертаций, статьи. А еще есть небольшая смотровая площадка с потрясающим видом на Енисей.

Что тут самое важное, значимое? Для каждого, наверное, это будет что-то свое – ведь и Астафьев у каждого свой. У сотрудников музея, которые занимались разработкой концепции Национального центра, была вполне определенная цель.

– Она была определена так: чтобы человек пришел, проникся атмосферой произведений, и ему захотелось бы их прочитать, – говорит Татьяна Зыкова. – И вы знаете, мне кажется, мы этого добились, и вот почему: у нас было много гостей на майских праздниках, и сейчас постоянно идут экскурсии, и человек, пройдя экспозицию, идет и покупает эти книги. У нас было много «Прокляты и убиты» – там одно издание, мне кажется, осталось, почти закончился «Звездопад». Тех книг, что мы закупили, нам хватит недели на две, наверное, не больше. Я слышу, как люди после экскурсии спускаются вниз и говорят: «Надо прочитать!» Вот что самое главное.

«Пусть имя мое живет в трудах моих до тех пор, пока труды эти будут достойны оставаться в памяти людей», – писал сам Астафьев.

Светлана БУРЕНКО
Фото Руслана РЫБАКОВА